

БУДЕМ ЖИТЬ!

Анатолий Галкин
Будем жить!
Серия «Еще не вечер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2158215

Аннотация

Любовь творит чудеса! Она же заставляет людей делать подлости... Много лет назад из-за любви к девушке Кате сотрудник милиции Щепкин вместе с друзьями подставляет ее жениха – журналиста Жукова. Невинного парня сажают, а мент женится на Катерине.

Через десять лет Жуков и Катя встречаются. И опять подстава!.. Журналист бежит в Австрию и случайно становится богатым человеком.

А еще через пять лет детективное агентство «Сова» получает заказ. Надо расследовать старую историю Жукова – кто его подставил, зачем и почему?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анатолий Галкин

Будем жить!

Глава 1

Казалось, что лежащий на столе мобильник специально выбрал для звонка эту минуту, когда в комнате на втором этаже дачного дома зависла тишина.

Еще недавно Максим возбужденно шутил, подливал в бокалы вино, произносил тосты о красоте сидящей напротив него Кати, вспоминал их давнюю любовь, удивлялся их тогдашней глупости, разлучившей их на долгие годы.

Потом... Что было потом? Да, он в первый раз спросил её о том, что в анкетах называется семейным положением. Катя ответила так как он и предполагал: «Есть муж. Есть сын...» Всё нормально. А как ещё могла ответить тридцатилетняя женщина? Да ещё такая красивая... Максим убеждал себя, что другого ответа он и не ждал. Но врать себе не получалось. Ждал! Ему хотелось от неё томного вздоха и признания: «Я до сих пор одна. Было много предложений, но после тебя мне никто не нужен...»

Катя вглядывалась в его глаза. Ей казалось, что Максим всё понял, но она ошиблась.

Глядя Максиму в глаза, Катя произнесла фразу, которую в последние дни повторяла сотни раз. Эти слова ей очень не нравились. Они отдавали дешевым мексиканским сериалом, но других она придумать не могла.

– Ты всё правильно понял, Максим. У меня есть ребёнок, который очень похож на тебя... Это твой сын... Ему десять лет.

В комнате повисла тишина, которой и воспользовался мобильник Максима. Он добросовестно прозвенел мелодию о Венском лесе. Помолчал и, обиженный невниманием записал старый австрийский вальс снова... Когда трели Штрауса зазвучали в третий раз, Максим понял что мобильник в некотором смысле спасает его от идиотского положения. После десяти секунд молчания изображать бурную радость было уже поздно. Предлагать девушке сделать аборт тоже поздно...

Максим взял трубку, из которой послышался незнакомый голос:

– Меня за вами прислали, Максим Петрович. Вам срочно в офис надо вернуться.

– Вы кто?

– Сидоров я. Из охраны. Новенький я.

– Вы где?

– Да здесь я рядышком. У ворот вашей дачи.

– Что случилось?

– Сплошной кошмар! После банкета кто-то в ваш кабинет забрался. Сейф пытались вскрыть... Ужас! Меня за вами ваш зам прислал, Забровский Игорь Игоревич.

– Сейф не вскрыли?

– Нет. Охрана спугнула... Сейф почти целый. Дырок только много.

Они его газовой сваркой пытались... Замок опять же покорёжили. И горелым изнутри тянет. Но, я думаю, вскрыть не смогли... Хотя, может и вскрыли.

– С тобой, Сидоров, всё ясно... Жди внизу. Сейчас спущусь.

Максим виновато посмотрел на Катю и вдруг понял, что она не такая как все другие. Вернее он смотрит на неё не так, как на других. Все остальные отличались лишь степенью знакомства: незнакомки, мимолётные знакомые, очень близко знакомые... Только что Катя была одной из них. И вдруг всё перепуталось. Все его знакомки-незнакомки затуманились, отошли на десятый план и их заслонила одна Катя, одна единственная... Нет, оно и

на самом деле так. Насколько Максим понимал в этих делах, только Катя могла произнести: «Я мать твоего ребёнка...» Не будущего ребенка, не младенца запеленатого, а десятилетнего пацана...

Дрожащим голосом Максим попросил:

– Только не уезжай, Катюша. Я через час вернусь. Гнать буду но вернусь через час... Ты позвони своим. Соври что-нибудь. Только не уезжай.

– Некому мне врать, Макс. Я девушка свободная. Сын наш в Крыму. Муж у своей мамы ночует... Он, можно сказать, уже бывший муж. Развожусь я со Щепкиным.

– Щепкин? Витька? Как это так получилось?

– Элементарно, Макс! Одиннадцать лет назад ты исчез, а он оказался рядом... Подполковник милиции... Забудем о нём. Псих он и сволочь... Ты, Максим, назад будешь ехать, так не гони. Никуда я не денусь. Приберу пока, кровать постелю. Где у нас спальня?

Последние слова добили Максима окончательно. Он почувствовал, что не сможет произнести и двух слов. Ответом на последний вопрос Кати был жест. Максим застыл в позе памятника, указывающего путь в светлое будущее.

Катя расхохоталась, подскочила, поцеловала, развернула Максима лицом к лестнице и шлёпнула по задку.

– Беги, любимый... Я буду ждать тебя.

Скатившись с лестницы, Максим пробежал через холл и остановился перед входной дверью. Она была не заперта. Более того – она была приоткрыта... Странно!

За калиткой странности продолжились: метрах в пятидесяти от ворот весело мигал огоньками джип «Чероки». Такого авто на фирме Максима не было. Да и все сотрудники по примеру шефа поддерживали отечественного производителя и катались на скромных «девятках».

Максим быстрым шагом подошёл к джипу, но в последний момент тот рванул с места, и, взвизгнув тормозами, замер под дальним фонарным столбом. Из окошка водителя высунулась голова и закричала:

– Бегите сюда, Максим Петрович. Там неудобно было. Лужа там.

Максим даже не стал осматривать место, где только что стоял джип. Дождя не было уже месяц и лужи там не могло быть потому, что её там быть не могло.

На бегу Максим уже приготовился высказать охраннику Сидорову всё, что он о нём думает... Максим Жуков считал себя излишне мягким и деликатным человеком, но в нужные моменты умел круто строить фразы из ненормативной лексики. И не в один этап.

Джип блестел под фонарём всеми оттенками мокрого асфальта. Грязь на машине была, но только на одном месте – на заднем номерном знаке.

Яростный Максим уже схватился за ручку джипа, но тот вдруг заревел и рванулся вперёд. Всё это было так неожиданно, что Макс потерял равновесие и, пролетая вслед за машиной, скатился в придорожную канаву. Переломов и сотрясений он не получил, но коленка была разбита, рубашка на плече порвана, а щека проскользила по зарослям шиповника.

Лёжа в канаве, Макс вдруг ощутил под левой рукой холодный булыжник. Небольшой с антоновское яблоко. А по звуку мотора было понятно, что джип опять остановился в пятидесяти метрах. Эти два обстоятельства слились в элементарный план действий.

Максим встал и, сжимая в руке булыжник, захромал к машине, из которой опять появилась морда водилы Сидорова:

– Как же я так неаккуратно! Я думал, Максим Петрович, что вы уже сели... Бегите сюда. Я подожду.

– Подожди, друг Сидоров. Я быстро не могу. Ногу подвернул.

Коленка у Максима болела, но не очень. Он мог даже бежать. Однако, двигался медленно, хромая и покачиваясь. Сидоров должен быть уверен, что его соперник деморализован и почти обездвижен.

Максим продвигался неторопливо, изображая, что его оставляют последние силы... Когда до ненавистного джипа оставалось чуть больше пяти метров, он спружинился и рванулся к заднему бамперу.

Еще до того, как взревел мотор и шины стали плеваться мелким дорожным гравием, Максим успел стереть грязь с части номерного знака.

А еще он успел перекинуть в правую руку булыжник и метнуть его в спину удаляющегося врага.

В темноте он не увидел своей победы, но по звонкому звуку дробящихся осколков он понял, что не промахнулся.

И это еще не вечер! Завтра Максим найдет раненого зверя и добьет. А куда он денется этот «Чероки» с номером «пять, пять, два» и без заднего стекла?

Макс пошарил в кармане – мобильник оказался счастливей своего хозяина. Ни одной царапины.

Телефон дежурного в офисе ответил сразу:

– Фирма «Форт». Слушаю вас.

– Это ты, Ларин?

– Так точно, Максим Петрович.

– У нас все в порядке?

– За время моего дежурства происшествий не случилось.

– А где Забровский?

– Ваш зам с вами отбыл. Сразу после банкета... И больше на связь не выходил.

– Понятно... Счастливо отдежурить, Ларин.

Нажав кнопку отбоя, Максим понял, что звонок в офис только запутал дело. Это хорошо, что там «происшествий не случилось», но джип-то был... На шутку это не очень похоже. Даже на дурацкую.

Максим направился к дому и с его приближением в голову стали приходить приятные мысли. Вот сейчас Катя встретит его, пожалеет, вытащит из щеки колючки шиповника, разденет, помоеет, смажет коленку йодом и поведет в спальню.

Калитка была распахнута настежь. Входная дверь в дом тоже.

Раньше Максим не замечал, что деревянная лестница в его доме так скрипит. Или просто никогда раньше он не поднимался по ней так осторожно и в такой тишине. Он даже успел подумать: «Мертвая тишина» и через три секунды с ужасом понял, что был прав...

В комнате многое изменилось, но Максим смотрел в одну точку, в кресло, где сидела Катя. Он даже не замечал, что платье на ней разорвано, что содержимое из её сумочки разбросано по полу, что вокруг валяются стулья, тряпки, книги... Он смотрел на рукоятку ножа, который торчал в Катиной груди. Даже не на всю рукоятку, а на самый ее конец, где был знакомый ему скол, щербинка величиной с копейку.

Это был его нож! Очень давно на пикнике от бросил его в сосну. Два раза воткнул, а на третий разбил у ножа рукоятку... Об этом знали все... Потом нож постоянно лежал на его рабочем столе. И об этом знали все... И сегодня утром он тоже лежал.

Максим потянулся к ножу, но вдруг вспомнил фразу из какого-то детектива: «...вынимать можно или на операционном столе, или из трупа».

Рука безвольно скользнула по рукоятке и уперлась в грудь – мягкую, теплую и липкую... Максим отдернул руку и машинально вытер кровь о рубаху.

У него перед глазами возник удаляющийся джип. В нем не мог быть убийца, но там соучастник. И его еще можно догнать.

Максим схватил со стола барсетку с деньгами и документами и бросился вниз к машине. Час назад он думал, что придется провожать Катю и ключ оставил в замке зажигания...

Уже перед входной дверью он услышал визг сирен... Оказавшись на крыльце он увидел, что через калитку врываются крепкие ребята в серой форме.

Когда ему заломили руки за спину, на участок вошел майор, а с ним двое гражданских в необычной форме одежды; старушка в халатике на ночную рубашку и ее муж, отставной генерал в трусах и телогрейке. Это были добродушные соседи Максима, которых, понятное дело, только что сорвали с кровати и пригласили в качестве понятых.

Майор быстро поднял всех на второй этаж и сразу же нашел нужную комнату:

– Смотрите, понятые. Это убитая. Обратите внимание на нож у нее в груди. Рукоятка с особым сколом... а это наш подозреваемый. Кровь на рубашке, щека расцарапана... Картина преступления, очевидно, такая: он пытается ее изнасиловать, рвет ей платье...

Майору надо было бы стать актером. Он говорил громко и убедительно жестикулировал. Его единственными зрителями были понятые, но он, вероятно, считал, что они сидят в двадцатом ряду.

Тем временем два сержанта делали свое дело. Один, ухватившись за автомат, перекрыл дверь. Второй же, веселый коротышка раскрыл наручники и, чуть позвякивая ими, подошел к Максиму.

На стресс, как и на алкоголь, люди реагируют по-разному. Одного заклинивает, а у другого голова начинает работать в сто раз быстрее. Максим относился ко второй категории. За эти секунды под звон наручников он понял две вещи. Первое: в такой ситуации любой суд признает его виновным. Хоть дюжину присяжных позови, хоть пять дюжин... И второе: под окном машина, а в ней ключи зажигания.

Максим слишком высоко протянул руки. Коротышка машинально встал на цыпочки и развел локти. Он никак не ожидал, что вялый, подавленный майоровским криком подозреваемый возьмет его за бока, поднимет в воздух, развернет и бросит к двери.

Оба сержанта покатались в сторону лестницы и вставали долго, мешая друг другу. А стоявший спиной майор даже услышав грохот не смог быстро оторваться от зрителей.

У Максима было пять секунд, во время которых он схватил барсетку с документами, взлетел на диван, вышиб плечом окно и выбросился на пологую крышу веранды. Несколько кувырков и он свалился около своей машины, раздавив шикарный куст пиона... Теперь надо вырулить на площадку, для разгона чуть подать назад и на скорости вышибить ворота вместе с замком.

Первым наверху пришел в себя майор. Он выхватил у коротышки автомат, рывком открыл второе окно и попытался прицелиться по мятущейся внизу машине. Он стрелял по крыше над местом водителя, но «девятка» уже рванулась к воротам и очередь прошла задние сидения и багажник.

Вторая очередь угодила в пустоту: в соседский забор, в дорогу и в поваленные на нее ворота.

Майор отошел от окна и протянул автомат коротышке, но тот глупо улыбался и невнятно докладывал:

– Врача надо, товарищ майор.

– Кому?

– Потерпевшей... Она не совсем убитая. У нее только вид такой... обманчивый. Шок у нее и легкое ранение.

– Как легкое? А нож по самую рукоятку?

– Я посмотрел. У нее, товарищ майор, грудь такая... пышная, а лезвие у ножа, должно быть, короткое...

Майор подошел к креслу... Катя медленно приподняла ресницы, осмотрелась, прикрыла рукой оголенную грудь и попыталась встать...

Максим сразу же оставил мысль догнать «Чероки». И время потерял много, пока с ментами разбирался. И, главное, через пять минут на него объявят план «Перехват». Значит, от погони надо отрываться «партизанскими тропами». А такие дороги Макс знал хорошо. После дальних пикников ему часто приходилось возвращаться на дачу так, чтоб ни один пост ГАИ по дороге не встретился.

Погоня... Две пары фар вслед за «девяткой» скакали по дачно-проселочным дорогам. Скакали и не отставали. Даже приближались... Макс вспомнил о смешном сувенире, который ему вручили полтора года назад и который все это время пылился в багажнике.

На крышке коробочки были изображены две молоденькие певички со звонкими головами и с неприличным поведением. Сувенир назывался так же, как и одна из их песен: «Нас не догонишь!»

В коробочке был десяток ежей, сваренных из гвоздей среднего размера. Попадись такой на дороге и любой шине каюк.

На ровном участке бетонки Максим притормозил, выскочил к багажнику, извлек коробочку, мысленно поблагодарил шутника, вручившего ему эту безделушку и разложил на дороге все десять ежей.

Пока он возился погоня приблизилась. Уже набирая скорость в зеркало заднего вида Максим успел заметить как закрутило и отбросило в кювет первую машину. Вторая ударила ей в крыло и вовсе перевернулась.

Максим понял, что теперь жить станет легче, жить станет веселее. Он даже попытался вспомнить мотивчик и пропеть песенку неприличных девочек: «Нас не догонишь... Нас не догонишь...»

В три часа ночи ему надоело петлять по лесным дорогам и элементарно захотелось спать.

Москва осталась далеко позади. Впереди редкие деревеньки, леса и Ока. Через нее вброд не переехать. А мосты лишь в крупных городах. Там-то его и ждут... С рассветом надо в каком-нибудь овраге бросить машину, купить у местных мужиков одежду... Купить одежду? А в барсетке у него только доллары. Местный народ, должно быть, не очень доверяет этим зеленым бумажкам...

«Девятка» резво скатилась с пригорка в березовую рощу... В предрассветный час Максим никак не ожидал встретить кого-нибудь на проселочной дороге. Да и за кустами он не мог их видеть.

В глубине рощи перегородив дорогу стояли две машины. Одна была довольно далеко, а та, что поближе, съехала с колеи и кособоко уткнулась капотом в заросли орешника. Перед ней лежал мужчина в белой рубашке, а трое других стояли рядом и методично били лежащего ногами.

Максим понял, что нарвался на легкую бандитскую разборку. Встревать в нее не хотелось, но тормозить и разворачиваться было уже поздно.

Вдавив поглубже педаль газа, Максим попытался проскочить... Не удалось!

Один из бандитов вскинул автомат и полоснул сначала по колесам, потом по лобовому стеклу. «Девятка» задергалась, соскользнула с дороги, два раза перевернулась и замерла, встав на свои собственные дырявые колеса.

Максим выполз из машины, но после кувырков по поляне не смог сразу встать на ноги. Тем более не мог бежать. А надо было бы!

От стоявшей у орешника машины отошел один из троих. Начало светать и Максим хорошо видел, что в руке бандита поблескивает ствол пистолета. «Хорошо, что не автомат.

Им мог бы издалека добить. А тут подойдет почти вплотную и прицельно – контрольный в голову...»

Бандит шел вразвалочку, растягивая удовольствие. Он видел, что Максим жив, что он с ужасом смотрит на приближающуюся смерть, что лежит в странной позе с разбитой коленкой, с вывернутой правой рукой и с кровью на рубашке.

Бандит подошел очень близко. Поиграл пистолетом: сначала направил ствол Максиму в грудь, потом в нижнюю часть живота, вздохнул и начал прицеливаться в голову.

Больше медлить было нельзя. Резким ударом левой руки Максим выбил ствол, а правой рукой обхватил ноги противника. Рывок – и парень, хватая руками воздух, рухнул на спину. Затылок очень удачно впечатался в корявый березовый корень.

Бандит пришел в себя секунд через двадцать. За это время Максим стянул с него черную ветровку, рубашку, бейсболку... Когда парень начал приподниматься, Макс навел ствол, отвернулся и нажал спусковой крючок.

Все это происходило за разбитой «девяткой» и братки саму схватку видеть не могли... Выстрела же они ждали.

Максим в черной ветровке и американской кепочке вразвалочку приближался к месту, где двое били ногами лежащего. В промежутках они о чем-то спрашивали пленника. Кроме ярких ругательств основным значимым словом был вопрос: «Где?»

Приближаясь, Макс понижая натянул бейсболку... Первого удалось вырубить просто: он был абсолютно лысым и ничто не смягчало удар рукоятки пистолета... Второй же стоял в трех метрах и у него был автомат... Пришлось стрелять.

Максим Жуков был родом из очень приличной семьи. Все его предки, насколько он мог знать, были из той прослойки, которая именовалась интеллигенция. И, казалось, все они – учителя, юристы, врачи, художники – все они собрались вместе и гневно смотрят на своего непутевого потомка, на первого в их роду душегуба...

Лысый пошевелился, что-то замычал и даже попытался подняться. Это несколько приободрило Максима – одним трупом на его совести меньше... Не дожидаясь, пока его противнику вернется боевой дух, победитель рванул на груди рубаху, располосовал ее и связал невнятно матерящегося бандита.

Пока Макс занимался непривычным для себя делом, пошатываясь, встал тот, кого недавно избивали.

Спасенный был неопределенного возраста. Синяки на лице и включенные чуть седые волосы делали его похожим на вокзального бомжа. Одежда, особенно после долгого ползания по болотистой лужайке, тоже соответствовала образу бездомного бродяги. Подходило все, кроме глаз и выражения лица.

Максим вспомнил фразу из знаменитого фильма: «У тебя же, Шарапов, десять классов на лбу написано!» Так вот у спасенного бомжа на лбу было не только десять классов. И даже не высшее образование. А минимум – аспирантура физмата.

Морщась, он ощупал свои ребра и удовлетворительно заметил:

– Все цело. Я так и думал... Убивать меня они не собирались. Им меня живого заказали...

Он вдруг резко повернулся к своей машине и, пошатываясь, поспешил к тому месту, где почти уткнувшись в лобовое стекло лежал на руле водитель. Пулевое отверстие в районе виска с очевидностью говорило, что пульс можно не прощупывать.

«Бомж» повернулся к подошедшему Максиму:

– Жаль парня... Простите, я вас даже не поблагодарил.

– Пустяки.

– Хорошенькие пустяки. Это профессионалы. Один троих стоит. Считайте, что вы одним махом девятерых уложили... А я и спасибо вам не сказал, и не представился... Иванов Иван Иванович.

Максим улыбнулся. Псевдоним был очень очевидным, из разряда: Иванов – Петров – Сидоров... И еще: бомж – Иванов, называя свое имя, шаркнул ножкой и наклонил голову. Ну, прямо как в пажеском корпусе или в английском королевском клубе.

– Меня зовут Максим. Честное слово!

– Верю... Только зря вы, Максим, тому типу автомат оставили. Хотя правая рука ему не подчиняется, но... Вот он и глаза открыл.

Максиму опять полегчало. Второй труп соскочил с его совести и предки уже смотрели на него не так сурово.

Автоматчик был ранен в плечо. Причем, навывлет. Рана не простая, но далеко не смертельная. Только бы кровью не истек.

Пока возились с перевязкой, на поляне появился третий труп. Он шел с поднятыми руками и с простреленным ухом. От удара затылком о березовый корень и от выстрела в упор он оказался в полном шоке. Ему бы в лес бежать, а он шел к тому, кто только что стрелял в него.

Максиму еще раз полегчало. Убийцей он не стал, а значит, не опозорил свой род потомственных интеллигентов... Предки Макса удовлетворенно переглянулись и спешно улетели назад в свои райские кущи, по пути обсуждая, что потомок их парень неплохой, но стрелок никудышный...

Когда повязали бандита с рваным ухом, Иванов опять подошел к своему шоферу.

– Жаль парня. Не надо было ему со мной связываться... Что делать будем, Максим? Пойдем-ка к твоей «девятке». Там все обсудим без чужих ушей.

Если Иванов надеялся, что «девятка» на ходу, то зря. Максим точно знал: пробиты оба передних колеса. В моторном отсеке тоже могло быть все перебито, но это уже и не важно – без колес все равно не поедешь.

Больше всего Иванова заинтересовала дырка в багажнике и над задним сиденьем:

– Странненько... Не машина, а решето. Это отчего тут у тебя такое, Максим?

– Стреляли.

– Понятно... В тебя сегодня дважды стреляли?

– Дважды.

– Первый раз как-то сверху. С моста что ли?

– Из окна.

– Бандиты?

– Менты.

– Я, Максим, не вправе тебе вопросы задавать. Не я тебя спас, а ты меня... Можешь в двух словах пояснить свои проблемы?

– Могу... Вчера вечером меня подставили. Кто-то на даче убил мою знакомую, а все улики на меня... Пришлось бежать.

– Верю... Пойдем работать. Нам надо этих троих гавриков загрузить в их машину и оставить где-нибудь на большой дороге. Здесь их могут долго не найти, а этот с плечом до вечера не дотянет... Не люблю трупы оставлять... У тебя документы с собой?

Максим протянул барсетку. Иванов вынул паспорт Максима, одобрительно оценил толстую обложку, усилил ее пачками долларов и весь этот сверток засунул вглубь барсетки, во внутренний карман под молнией...

До своей машины бандиты доковыляли сами. Убитого водителя Максим с большим трудом переместил в свою девятку. В последний момент Иванов снял с него куртку и передал Жукову.

– Держи. Там во внутреннем кармане бумажник с документами. Твой бумажник! И документы твои. Теперь ты Станислав Силаев... И, кстати, Стас, могу сказать, что погибший в своей «девятке» Максим Жуков был очень на тебя похож.

Иванов надел на руку убитого барсетку с паспортом Максима, плеснул в салон два-три литра бензина и махнул рукой.

– Иди, Стас, к машине... Я сам зажгу.

К полудню они были уже в ста километрах от того места, где на шоссе оставили машину с бандитами. Сюда, к большой реке они добирались на нескольких попутках, запутывая след.

Бессонная ночь и нервные заморочки выбили их из колеи. До того места, куда они направлялись, было три часа хода, но ноги упорно не хотели идти вперед. Иванов scomандовал:

– Привал! До восьми вечера спим, а к полудню будем дома.

– И что это за дом?

– Очень для нас подходящий дом. Это, Стас, сторожка смотрителя шлюза... Очень уютное место. За сто метров все колючей проволокой огорожено... «Нива» старенькая в гараже. Моторка своя... Шлюз, правда, уже двадцать лет не работает, но должность такая осталась. Со служебной площадью и зарплатой в двадцать баксов... И еще, Стас, не называй меня больше Ивановым. Я теперь Гуркин Илья Ильич... Понятно, что я такой же Гуркин, как ты Силаев, но по документам так, а значит, так оно и есть... Зови меня просто Ильич.

Они нарезали охапки осоки у реки, постелили под кустами и завалились спать под стрекот кузнечиков и веселый гул шмелей.

Сторожка смотрителя оказалась солидным каменным домом. Сооружение было облупившимся, с ржавой залатанной крышей, но крепким, достаточно просторным и уютным. Особенно вечером, когда они разжигали огонь в русской печи.

Дом стоял на узкой полоске земли между собственно шлюзом и Москвой-рекой. До ближайшей деревни было три километра, но ее жители сюда не ходили. По весне все вокруг заливало водой и домик смотрителя оказывался на острове.

Когда вода спадала, то на огромном пространстве вокруг шлюза оставалось множество болотистых озер с зарослями осоки и кое-где ивы. Подхода к реке не было и рыбаки это место не жаловали.

Зато на островке вокруг сторожки речной откос зарос огромными деревьями и обещал удачную рыбалку. Но все это за двумя рядами колючей проволоки, которыми тридцать-сорок лет назад огородили «стратегический объект».

Первые осенние месяцы охрана шлюза провела в трудах праведных. Они готовились к зиме. Пилили и кололи заваленные ураганом березы, закупали ящиками продукты, совершая рейды на моторке или в сухую погоду на старенькой «Ниве».

Максим отпустил усы и стал почти неотличим от фотографии в паспорте, где значилось: Силаев Станислав Петрович, уроженец города Керчь.

У Стаса в сторожке оставался чемоданчик с архивом: документы, фотографии, письма. Всматриваясь и вчитываясь во все это, Максим начинал считать жизнь незнакомого ему человека своей жизнью. С ним случилось нормальное раздвоение личности. Он очень жалел парня, сгоревшего в «девятке» и часто ловил себя на мысли, что думает о погибшем как о Максиме Жукове, а жалеет его он, Стас Силаев.

Но Гуркин не мог проникнуть в душу нового Стаса и понять, что тот не просто вошел в роль и сжился с персонажем, а полностью перевоплотился в него без всякой системы Стани-

славского. Кроме того, мудрый Ильич понимал, что, сверяя документы, менты будут смотреть на фото, а не на внутренний мир. Поэтому он часто ворчал:

– Похоже, но не одно и то же... Ты, Стас, сильно изменился за последний месяц. Надо бы тебя чуток подправить. Уши немного оттопырить, скулы выделить... Нос нормальный, но когда сбоку смотришь, горбинки не хватает...

Это оказалось не ворчание ленивого зрителя шлюза, а размышления человека дела.

Через неделю Ильич отвез Стаса в Коломну и на неделю сдал его в маленькую частную и практически подпольную клинику. За все время Стас в этом заведении видел лишь главного, возможно, единственного врача и одну медсестру. Скорее, медтетю.

Врач оказался весельчаком и из его трепя Стас понял, что секретность клиники вынужденная:

– Вы, дорогой мой, у меня первый мужчина за последние два года. Обычно я удовлетворяю дам. Почти вся местная элита женского пола через меня прошла. Их лица, разумеется... Так вот, каждая из них, появившись с новым лицом, заявляет, что прилетела из Парижа. Для них очень важно не как их омолодили, а кто это сделал. Это две большие разницы для них: гладил их морщины какой-нибудь Жан-Жак с Елисейских полей или доктор Фрумкин со второго Пролетарского тупика... Обидно. Не за себя, а за... Державу обидно.

Вид возвратившегося Стаса полностью удовлетворил Гуркина:

– Вот теперь тебя люблю я, вот теперь тебя хвалю я, наконец-то ты, Силаев, на себя, брат, стал похож... Давай-ка по рюмашке и к столу. Праздник у нас сегодня.

– Какой?

– День рождения.

– Чей?

– А ты, Стас, давно в свой паспорт заглядывал? Сегодня 4 октября. Твой день рождения. Как у Есенина, кстати... А стукнуло тебе сегодня двадцать восемь... А сколько Максиму было?

– Тридцать два.

– Так вот, еще один повод выпить. Ты почти на пять лет помолодел. Ровно через два года по второму разу будешь тридцатник отмечать... Пойдем к столу. Я всю неделю ждал твоего возвращения.

Гуркин действительно ждал Стаса. Ждал и смог удивить. Открыв заслонку русской печи он вытащил на стол поднос с гусем, вокруг которого румянилась картошка и с десяток сморщенных ароматных антоновских яблок.

После пятой рюмки шуточный разговор начал становится задумчивым.

– Мы с тобой, Стас, здесь в развалюхе живем, но мы люди. Ты согласен? А есть другие. Не люди они, а выродки. Но они наверху и себя почти богами считают... Вот этого нельзя терпеть. Ты согласен?

– Согласен я. Нам давно поговорить пора. Я же вижу, Ильич, что ты эти полтора месяца ничего меня не спрашивал о нем... о Максиме.

– Да, берег я тебя. Не хотел до времени рану беречь. А теперь пора... Наливай, Стас! Выпьем за мсть. Те, кто подставил Максима Жукова не должны торжествовать. Делали они свое грязное дело осознано и жестоко. И наша мсть будет жестокой, но честной и красивой.

– А кому мстить, Ильич? Если бы я знал.

– Верный вопрос... Но у нас с тобой две головы. И они не только для того, чтоб шапки на них носить. У нас зима впереди. Помозгуем и вычислим этих выродков... Мне правда легче было. Я мстил, точно зная кому и за что... Ты мою историю не забыл?

Такое Стас забыть не мог. Дело не только в ярком сюжете, дело в том, как Гуркин рассказывал о своей жизни, в блеске глаз, в интонациях, в которых была и любовь, и яростная ненависть, и сладкое торжество мести.

Илья Гуркин к сорока годам имел все: крепкую семью, просторную квартиру в центре Москвы и модную профессию программиста. В своем «почтовом ящике» он занимал самую высокую неруководящую должность. Он был ведущим специалистом и имел прозвище «компьютерный гений».

С началом перестройки все развалилось. Но не для всех. Гуркин с друзьями начал развивать банковское дело. Потом они перескочили на нефтяной бизнес. И везде Илья Ильич был ведущим специалистом и соответственно «гением», сначала банковским, а потом нефтяным.

И вдруг в какой-то момент, когда доходы стали зашкаливать за сотню миллионов баксов, все развалилось, но так аккуратно, что все денежки Гуркин и все его фирмы и фирмочки перешли к трем его друзьям. Он бросился к ним. Ему посочувствовали, но предупредили: «Не дергайся. Твой поезд ушел. Будешь качать права – пожалеешь». Он не послушался...

Для оплаты адвокатов пришлось продать квартиру и все, что в ней было, но дела упорно разваливались, не доходя до суда.

Гуркин понял, что судебные тяжбы не приведут к успеху и стал применять другие способы борьбы.

Он должен был понять, что те, кто его предал, не остановятся ни перед чем. Но он не чувствовал этой опасности.

Однажды вечером он притормозил свою машину возле станции метро. Через минуту возвращаясь с пачкой сигарет он сначала увидел столб огня, а потом взрывной волной его впечатало в один из киосков... В машине оставалась жена Гуркина и двое детей.

Что произошло дальше Стас не совсем понял. Спрашивать Ильича после таких воспоминаний было неудобно, а сам он завершил рассказ несколькими сумбурными фразами: «Я мстил им три года... Из квартиры взял компьютер и две тысячи баксов. Хватило как раз до первых успехов... В разных городах углы снимал. Неделями на воздух не выходил... Прошлым летом я вернул свои деньги, потом разорил вчистую тех троих выродков. Мне бы остановиться, но не смог. Вошел во вкус. Я слишком много знал и умел. Начал крушить самых жирных акул... Этим летом понял, что доигрался. Обложили меня, обложили... Стаса Силаева... ну того, первого я недавно к своим делам привлек и о нем они ничего не знают... Нам бы с тобой до весны продержаться... Ты представляешь, что в кейс миллион долларов влазит, а в средний чемоданчик до десяти лимонов...»

Вот такое странное завершение истории жизни Гуркина. Стас хорошо все запомнил, но до сих пор многого не понял. Как Ильич «крушил акул»? И каких? Почему здесь на шлюзе надо дожить до весны? И при чем здесь чемодан с десятью лимонами?

– Так ты, Стас, помнишь историю моей жизни?

– Это то, что ты на рыбалке рассказал? Конечно помню... Я только до конца не понял, как и кому ты мстил.

– Я еще не домстил. Самое главное впереди... Обо мне потом. Давай-ка твоих врагов выявлять. С завтрашнего дня будешь рассказывать мне о Максиме. Все, от первого крика до нашей встречи. Все: у кого игрушку в песочнице отобрал, у кого невесту отбил, у кого контракт выгодный отнял...

Гуркин был человек слова и дела. Со следующего дня они работали лишь до обеда. Потом садились за стол и Стас говорил, говорил, говорил... Ильич умел слушать, как это делают исповедники, хорошие врачи и адвокаты. Не было никакого желания что-то скры-

вать или приукрашивать. Тем более, что речь шла о Максиме Жукове, о человеке, который никогда уже не появится на этой земле...

Через неделю Стас закончил жизнеописание. Тридцать два года уместились в семь вечеров. Было немножко обидно за несчастного Максима Жукова. Кроме последнего дня все в его судьбе было очень гладко. Сильно он никого не обижал. И вообще: не был, не участвовал, не привлекался... Последнее, правда, не совсем верно. Привлекался! Но всего-то на пятнадцать суток и не за дело, а по дурацкой ошибке, по странному стечению обстоятельств. И было это очень давно, одиннадцать лет назад. И было это в ту самую ночь, когда он счастливый возвращался от Кати. Конечно счастливый! Произошло то, о чем он мечтал последние месяцы. И теперь он точно знал, что и Катя об этом мечтала... Он шел по ночной Москве и думал о предстоящей свадьбе. Не витал в облаках, а думал конкретно: у кого и сколько занять денег, где отмечать, покупать ли костюм или сойдет старенький твидовый пиджачок. Вопросов было много, но был один, самый главный – когда. Как бы сделать эту свадьбу не через два месяца, и не через один, а через неделю. Или еще лучше – через три дня... Он шел по полуночным переулкам и вдруг из подворотни на него рванулась толпа. Ну не толпа, а человек шесть или семь. Максима схватили и сразу же началась драка. Все били двоих. Не сильно, но основательно. Их катали по грязной дороге, пинали ногами, рвали одежду. При этом все громко орали. Выкрики были злобные, хулиганские и большей частью непечатные.

Через минуту начали зажигаться окна в соседнем доме, через две минуты разбуженные и возмущенные граждане звонили в милицию, а еще через десять минут послышался вой сирены. И моментально со сцены исчезли статисты. Всех как ветром сдуло. Остались только главные герои: двое побитых и Максим... Он бы тоже убежал, но не смог. Пострадавшие цепко держали его.

Потом они, эти пострадавшие дали показания, что Максим Жуков с друзьями напал на них «из хулиганских побуждений»... Обыватели, глазевшие из ближайших окон, с удовольствием подтвердили эту версию.

Одним словом – получил пятнадцать суток и радуйся, что легко отделался...

Все это было давно и воспринималось как неприятный эпизод жизни Максима Жукова. Даже трагический эпизод, поскольку он разлучил его с любимой девушкой. Но прямой связи с последними событиями не наблюдалось. Во всяком случае ее не видел Стас Силаев. А старик Гуркин видел! Он во многих областях был «гением», а сейчас старался выглядеть гением сыска:

– Итак, Стас, тебя в твоей жизни подставляли дважды... Не тебя, понятное дело, а того, который Максим Жуков... Ты улавливаешь связь? Как только Максим в интимном месте встречается с некой Екатериной, то через час появляется милиция и вяжет этого самого Максима. Уловил связь времен?

– Нет... Это простое совпадение.

– Ох, и наивный же ты Stanislaw. Я и сам такой был, но поумнел. Не бывает таких совпадений. Не верю!

– Да я и сам все вижу. Только не хочется про Катю думать...

– Так она тут, возможно, и не при делах. А вот ее муж для нас первый подозреваемый. Напомни его фамилию.

– Щепкин Витя... капитан милиции.

– Капитан? Это, Стас, он тогда был капитаном, а сейчас наверняка полковник... Он тогда Катю твою хотел и решил тебя убрать. Мешал ты ему. Все сходится! Тогда он тебе пятнадцать суток дал, а сейчас расщедрился на пятнадцать лет... Это все, Стас, версия. И не самая хорошая.

– Почему же? Все очень логично. Катя сказала, что собралась с ним разводиться. Вот он от злости, от ревности и ее, и меня... Обоих одним ударом.

– Все так, но это плохая версия.

– Почему?

– Законы жанра нарушаются. В любом детективе самый подозреваемый оказывается в конце невиновным... Надо нам других искать. Вот, например, твой заместитель. Фирма твоя кому досталась?

– Ну, фирма не совсем моя. Хотя, договор так составлен, что Забровский наверняка мою долю на себя перевел и теперь у него контрольный пакет... Неужели это он меня...

– Не думаю, Стас. Он тоже слишком на поверхности лежит. Надо глубже копать... Вот, ты говорил, что Катя на телевидении какую-то передачу готовила? Ты сказал – убийный сюжет. О ком это?

– Про убийный сюжет она сама сказала... У Кати была своя программа. Название очень скромное: «Провинция». В последнее время о думском депутате Афонине. Он из города Дубровска.

– Вот это уже теплее. Депутаты они к своей цели прут как танки. Ради своей цели они на все готовы.

– Не все же такие.

– Согласен, Стас. Не все! Но большинство. А исключения только подтверждают правило... Итак, депутата Афонина делаем первым подозреваемым!

Гуркин начал входить во вкус. На последней фразе он вскочил и начал вышагивать из угла в угол. В глазах появился азарт и предвкушение удачи... Так бывает на рыбалке. С первой поклевкой душа начинает трепетать в ожидании небывалого успеха: или наживку проглотит щука огромных размеров, или, в крайнем случае, случайно заплывший сюда осетр.

– Итак, Афонин это раз. Твой заместитель Забровский это два. Мент Щепкин, муж Екатерины это три... Хорошо, но мало. Давай еще думать... Вот, ты говорил, что сам главный редактор к тебе в камеру приходил? Это, когда ты на пятнадцать суток загремел?

– Не в камеру, а в милицию. Начальник отделения нам для разговора свой кабинет уступил.

– Я помню, Стас, помню. Теперь представь: ты был тогда репортеришка без году неделя. Салага без волосатой руки. И вдруг тебя забирают почти на ограблении. Темной ночью, а еще в составе банды, которая вся сбежала. Что надо было с тобой сделать?

– Уволить.

– Именно! И вдруг сам Семен Петрин, ведущий рупор свободной прессы идет в милицию и уговаривает тебя ехать специальным корреспондентом на Дальний Восток. Срочно ехать! Он даже билеты на поезд принес.

– Да, я как вышел из кутузки через три дня, вещи схватил и на вокзал.

– Именно! Он тебе и часа свободного не оставил. Почему? Не хотел чтобы ты искал тех двоих, кто тебя на нары устроил, тех свидетелей, которых ты якобы бил и грабил... Или он не хотел, чтоб ты с Катей встретился. Главное то, что кто-то убрал тебя на пятнадцать суток, а потом Семен Петрин убрал тебя из Москвы на пять лет... Отлично, есть у нас четвертый подозреваемый... Наверняка еще кто-нибудь есть. Возможно, самый главный... Информации у нас не хватает. Тут чистой дедукцией не возьмешь. Откуда, например, джип появился, который тебя от дачи уводил? Надо его найти... А менты почему так быстро на месте оказались? Кто им скомандовал? Надо выяснить... А те два свидетеля, которые тебя на пятнадцать суток упекли? Они, понятно, роль свою сыграли, а кто этим театром руководил?

Гуркин уже не мог остановиться. Он начал расследование, а это оказалось очень увлекательной игрой. Еще недавно он считал, что они будут тихо сидеть в этом доме до весны, а потом рванут в Киев и далее через Одессу в Вену, где у Гуркина было все: и квартира, и загородный дом, и маленькая фирма, исправно работавшая под руководством австрийского директора, имевшего яркую фамилию Вагнер.

Надо было сидеть здесь до весны. Тот, кто искал Гуркина, был человеком упорным и, как все рыжие, хитрым. Но у любого упорства есть свой предел. Еще осенью «Рыжий» наверняка искал Гуркина на всех дорогах. К зиме должен был утомиться и поостыть, а весной вообще плюнуть и на Гуркина, и на чемодан, в котором тихо лежали шесть с половиной миллионов долларов.

Последние годы Илья Гуркин был хакером. Не жуликом и не бандитом, а мстителем с очень неплохим доходом. Он заранее составил список тех, кто разрушил его жизнь, кто уничтожил его семью. «Рыжий» был в этом списке последним.

Гуркин мстил чисто. Трупов после себя он не оставлял, но пытался выпотрошить клиента до основания. Каждую акцию он готовил месяцами и все проходило гладко. Разоренные были в шоке, но ответного удара не следовало. Никто так и не смог выяснить причину своих несчастий.

Последний блин оказался комом. «Рыжий» вычислил Гуркина в самом разгаре акции. Разорения он избежал, но все-таки лишился огромной суммы и бросил все силы на ее возврат. Началась опасная для Гуркина игра в кошки-мышки. Тогда на лесной поляне Максим Жуков застал кульминацию этой игры. Кульминацию, но не конец...

Итак, Гуркин загорелся расследованием истории Максима Жукова. А ради святого дела можно чуть-чуть рискнуть. Да и весна уже не за горами... Завтра надо поехать в Коломну, найти шустрого частного сыщика и поставить перед ним ряд задач. И нельзя откладывать. Пока лед на реке крепкий и «Ниву» выдержит спокойно.

С началом зимы, когда сухопутную дорогу от их дома начало заваливать сугробами они только так и выбирались в город: скатывались на лед, полтора километра вдоль берега и выезд на нормальную укатанную шоссейку.

Снега в этом году намело столько, что ворота к шлюзу, находившиеся в ста метрах от дома, были завалены до самого замка. Метровый слой снега. И даже если его расчистить, открыть ворота, то «Нива» застрянет в первом же сугробе. Здесь нужен вездеход или хороший мощный джип.

На всякий случай Гуркин взглянул в окно. Вот он вдалеке забор, на котором не видно висячего замка. А за забором...

За забором двое крепких ребят в черных кожанках лопатами отгребали снег. Еще двое таких же крепышей стояли около черной машины, около хорошего мощного джипа. Эти двое стояли неподвижно, прижимая к правому плечу приклады автоматов. Гуркину даже показалось, что он видит маленькие черненькие дырочки в стволах и они направлены в это окно, прямо ему в грудь.

Боковая дверь джипа открылась и на снег выполз еще один тип. Вероятно, он был старший в этой команде. Он был без шапки и в лучах заходящего солнца огнем сверкнула копна рыжих волос.

Стас почувствовал что-то неладное, когда Гуркин замер у окна, но дальнейшей реакции деда он никак не ожидал. Илья Ильич развернулся и во вратарском прыжке бросился на пол. Еще в полете он закричал:

— К окну не подходи! Стрелять могут...

Лежа на ковре Гуркин вдруг почувствовал, что ему больше всего хочется ничего не делать: ни вставать, ни прятаться, ни бежать. Полежать бы спокойно хоть три минутки. Но даже этого времени у них не было. Вот-вот команда «Рыжего» полностью откроет ворота, потом те двое сменяют лопаты на автоматы, короткая стометровка до дома и максимум через пять минут в дверь застучат приклады.

— Значит так, Стас. Срочная эвакуация! Я в гараж, готовлю машину. А ты собери документы, деньги и сразу ко мне.

– А где деньги брать?

– Ах, да... На чердаке у трубы куча мешков. Под ними чемодан. Красноватый такой, итальянская кожа... Только осторожно, он очень тяжелый.

Кто-то, строивший этот дом, очень здорово придумал – в гараж можно было попасть прямо из кухни. Пустяк, который спасал им жизнь, так как крыльцо дома было под прицелом.

Ворота в гараже были уже приоткрыты, вещи погружены, мотор «Нивы» тихо урчал, готовый взречь и померяться силами с черным джипом. Но в последний момент Гуркин схватил канистру и бросился в дом.

Он не успевал расплескать бензин по всем углам. Он просто сдернул крышку и опрокинул свою ношу на ковер. Еще три секунды и горящий факел из свернутой в трубочку газеты летит к дивану, прямо в центр разрастающейся перламутровой лужи.

Уже на кухне Гуркин услышал стук в дверь и грубые выкрики. Почти сразу же прозвучала оглушительная автоматная очередь, сбивавшая замок.

Выходя из кухни в гараж, Гуркин погасил свет, прикрыл дверь и успел подумать, что очень скоро все здесь, и эта дверь, и выключатель – абсолютно все будет гореть синим пламенем.

Стас напряженно ждал за рулем... Гаражные ворота открывались наружу и «Нива» без лишнего шума выползала на площадку, обдирая борта о ржавые края железных створок... Поворот направо и пологий спуск к реке.

Уже на льду Стас получил последние указания:

– Ты особо не гони. За мыском, где большая береза, лед совсем тонкий. Неделью назад он уже под нами трещал. Мы, возможно и проскочим, а они потяжелее будут... Ох, не люблю я трупы за собой оставлять.

Стас и сам все понимал. В зеркале заднего вида он уже заметил догоняющий джип, из открытых окошек которого высунулись фигуры в черном... Очень неприятно чувствовать себя мишенью.

До большой березы оставалось не больше сотни метров. Пули летали, обгоняя «Ниву», а в нее попало не больше пяти. С треском разлетелось заднее стекло, было сбито боковое зеркало, остальное досталось багажнику и, возможно, чемодану из итальянской кожи. Главное, что шины не были пробиты.

Стас перед участком с тонким льдом вдруг начал притормаживать и дергать руль, заставляя «Ниву» неприлично вилять задом. Преследователи ждали именно этого. Они лупили по шинам и легко поверили, что обездвижили противника.

Гуркин нужен был им живой и стрельба мгновенно прекратилась.

Перед тем, как остановиться, «Нива» описала большую дугу и замерла у мыска с большой березой.

Черный джип не стал повторять дурацкого маневр. Как любой уважающий себя внедорожник он предпочитал переть напролом. До «Нивы» было всего-то сто метров по тонкому льду.

Лед проломился сразу под всеми колесами, но скорость была высокая и джип выскочил вперед и вверх. Он пролетел метра полтора и попал в самое удачное место... Джип уходил под воду неторопливо, с достоинством.

Стас вышел из раненой «Нивы» и сделал первый шаг, проверяя крепость льда.

– Ты посиди пока, Ильич. Я к ним поближе подойду. Может, помощь кому нужна.

Он смог пройти не больше двадцати шагов. Дальше начались трещины, которые заливали вырвавшаяся из плена вода.

Да дальше и не надо было идти. Джип был совсем рядом. Не весь, а только верхняя часть крыши... Левые дверцы заклинила вставшая ребром льдинка, а с правой стороны над

крышей появилась рыжая голова. Она не просила о помощи и кричала что-то монотонное на манер младенцев: «У-а-а-а»!

Стас не сразу понял, почему рыжий не плывет от джипа к крепкому льду, где ему можно было бы помочь. И только, когда черная крыша скрылась под водой, Стас сообразил, что рыжий вылез в окно, но зацепился ногой за ремень безопасности. Над водой оставалась только его голова, а он все дергался, пытаясь освободиться от пут, и уныло на одной ноте вопил.

Вероятно, что в джипе оставался еще воздух и погружение головы растянулось на минуту или две.

Стас хорошо видел как вода дошла до подбородка, потом вой сменился бульканьем и вскоре над поверхностью оставалась только рыжая кочка. Но и она скрылась... Все в этом мире имеет свой конец.

С такими философскими мыслями Стас возвратился к счастливой «Ниве». Гуркин сидел неподвижно и был бледен.

– Зацепило меня, Стас. В последний момент что-то в позвоночник бухнуло.

– Что?!

– Я поразмышлял и думаю, что это пуля. Но слабенькая. Багажник прошила, оба кресла и на излете до меня добралась.

– Так там синяк?

– Если бы... Ноги отнялись. Не чувствую я их... Давай осторожненько в Коломну к известному тебе доктору Фрумкину... Но в любом случае мы с тобой весной переедем... в Киев, а потом в Вену. Там теперь наш дом...

Уже перед самой Коломной Стас спросил:

– Врагов ваших теперь можно не опасаться?

– Так нет у меня больше врагов. «Рыжий» был последним и самым ярким. Жаль, Стас, что ты его не видел.

– Видел я его... Минуты две или три.

Глава 2

Двое немолодых уже мужчин спорили, но как-то вяло. Сергей Павленко был уверен, что вскоре уломает своего друга, а Игорь Савенков тоже был уверен, что согласится, но ему очень хотелось покапризничать.

– Не понимаю, Игорь! Впервые у твоего детективного агентства будет клиент иностранец. Представь, твоя «Сова» начинает окучивать дальнее зарубежье.

– «Сова» не моя, а наша. Прикажи и я поеду.

– Не могу я приказать. Я лишь соучредитель. А ты генеральный директор. Я даже уволить тебя не могу.

– А очень хочется?

– Так, Савенков, приехали... Давай с самого начала... Уважаемый, Игорь Михайлович. Я очень вас прошу полететь в Вену и выполнить работу для моего австрийского партнера по бизнесу. Мне это очень важно... Нижайше прошу.

– Клиент австрияк, а я немецкий знаю с грехом пополам.

– Игорек, это такой же австрияк, как я турок. Зовут его Илья Ильич Гуркин. Он всего пять лет как в Вене обосновался... Так летишь?

– Не полечу. Я самолетов боюсь. Никак не могу понять, как эти железные коробки летают... Как залезу в самолет, так у меня сразу мандраж начинается и сердцебиение излишнее.

– Хорошо, поедешь поездом. Сам тебе достану билеты в элитный вагон. С баром и сауной.

– А почему этот австрияк сам не может в Москву приехать? Не уважает?

– Уважает! Даже очень уважает, но не может. Инвалид он. Все время на коляске.

– Давно он так?

– Деталей не знаю, но так понял, что лет пять назад с ним что-то приключилось.

– Бандитская пуля?

– Возможно. Да нам какая разница. Тебе он платит хорошие деньги. Я с ним заключаю выгодный контракт. И все довольны... Так едешь?

– Один не поеду. Мне нужен будет Олег Крылов.

– Естественно! Я так Гуркину и сказал, что ты привлечешь лучших сыщиков «Совы». А «Сова», сказал я, это лучшее детективное агентство России.

– И, возможно, всего мира.

– Именно! Так я беру вам билеты? На завтра?

– На послезавтра... Умеешь ты уговаривать, Павленко. Потому ты и успешный бизнесмен.

* * *

Офис Гуркина находился в пригороде Вены, в так называемом Венском лесу.

Это название напомнило Савенкову Елисейские поля в Париже. В том смысле, что полей никаких нет, а название есть. Так и в Венском лесу – бюргерские дома есть, рестораны есть, горы, куцые рощи, замки с лужайками есть, а никакого леса нет.

Офис Гуркина занимал участок соток на тридцать и очень напоминал стандартный дом на Рублевке: красный кирпич, башенки под зелеными остроконечными крышами, верандочки, балкончики и множество всяких загогулин.

Здесь же на участке располагалась небольшая православная часовня, вокруг которой теснились молодые березки.

Все это означало, что Гуркин не зря носит имя Илья и что он не собирается отречься от святой Руси. Австрийский паспорт русскую душу не переделает.

На вокзале сыщиков встречала строгая дама бальзаковского возраста, которая старательно демонстрировала достаточно сносный русский язык. Она была сосредоточена, внимательна и излишне предупредительна. После нескольких попыток Олега стало ясно, что наших российских шуток она не понимает. Или переводит их уж слишком дословно. Или не умеет улыбаться.

Истинная арийка на первых минутах встречи передала Савенкову подробную программу их пятидневного вояжа в Австрию, из которой следовало, что деловой части отводится всего лишь два часа в первый день и столько же в последний. Остальное время – культурный отдых: поездка в Зальцбург на родину Моцарта, прогулка на яхте по Дунаю, Венская опера, два музея, три ресторана и масса других симпатичных мелочей. Савенков даже обиделся на себя, на свою глупость. Ведь в разговоре с Павленко он мог проявить настойчивость и отказаться от щедрого клиента.

В кабинет Гуркина они вошли ровно в три часа дня, как и предписывалось программой.

Хозяина совершенно не стесняла его коляска. Он выкатился из-за своего рабочего стола навстречу сыщикам.

– Рад приветствовать у нас в Австрии! Особенно москвичам рад. родной город... Как вам наш Венский лес?

Савенков считал себя дипломатом. При ответах на такие вопросы откровенность ни к чему. Надо выразить сдержанное восхищение, что доставит удовольствие хозяину. Именно это собирался сделать Савенков, но Олег его опередил:

– Так леса мы и не видели. Одно название от него осталось.

– Верно, молодой человек! Название, в котором аромат истории... Я, кстати, в Москве жил на улице Земляной вал. Так там тоже никакого вала не было... А Охотный ряд или Кузнецкий мост. Ни охотников, ни кузнецов, а в названиях тот самый аромат истории... Давайте переходить к делу. Раз вы приехали, я понимаю, что вы согласны мне помочь? Так, Игорь Михайлович?

– Да, но мы совершенно не знаем суть дела. Для окончательного согласия нам надо представлять хотя бы контуры наших действий. Насколько они будут законны и вообще...

– Абсолютно законны. Никого не надо будет убивать. Наркотики перевозить не надо. Оружие тоже исключается... Речь идет о моем погибшем друге. Пять лет назад его крепко подставили. Убили его любимую женщину, а все улики подработали на него. Ему пришлось бежать и в тот же день он погиб, сгорел в своей машине... Мне надо знать, кто его подставил. Ну, как, Игорь Михайлович, берется ваша «Сова» за такую работу?

– «Сова» берется. Это ее профиль... Но теперь, Илья Ильич, нам нужны подробности.

– Понимаю. Так сказать, фамилии, адреса, явки... Вся эта информация у меня записана. Я вам потом передам, а пока послушайте живой рассказ. Так сказать, сказки Венского леса... Жил в Москве парнишка Максим Жуков...

Проводив сыщиков, Гуркин вернулся за свой стол. Он ждал своего компаньона.

Вся беседа с трех скрытых камер транслировалась в кабинет Стаса Силаева. Личная его встреча с московскими гостями не планировалась. И не потому, что в нем могли узнать Максима Жукова. Коломенский кудесник доктор Фрумкин сделал ему новое лицо. Да и прошедшие пять лет австрийской жизни наложили свой отпечаток: появился западный лоск, уверенность в себе, доброжелательность, благородство... Нет, ни Савенков, ни Олег Крылов, пользуясь старыми фотографиями Максима Жукова, не смогли бы уловить даже мимо-

летное сходство с удачливым венским бизнесменом Стасом Силаевым. Дело было в другом. Гуркин боялся, что в ходе подробного рассказа о жизни Жукова, Стас выдаст себя выражением лица, произвольными замечаниями.

Одним словом, всю беседу Стас провел в своем кабинете перед большим экраном. Он имел возможность брать изображение с разных камер, увеличивать его, всматриваясь в незнакомые лица московских сыщиков.

Когда беседа завершилась, он подошел к окну, проводил взглядом машину с гостями и только после этого направился к Гуркину.

– Ты молодец, Ильич. Мне даже показалось, что жизнь Жукова ты знаешь лучше, чем я... Ну, как тебе сыщики?

– А тебе?

– Не знаю. На первый взгляд не внушают доверия. Невзрачные они какие-то.

– Ну, ты, Стас, даешь! Где это ты видел, чтоб сыщики на первый взгляд были... взрачные.... Этот бельгиец, у которого волосы напояжены, и кончики усов торчком стоят...

– Пуаро?

– Именно он! Так этот Пуаро на первый взгляд пижон и лох. Он, конечно, не невзрачный, но на сыщика никак не тянет.... А старушка, что по английским деревням бегает?

– Мисс Марпл?

– Именно! Так ты согласишься, Стас, она вообще божий одуванчик... Или этот, что орхидеи на крыше выращивает...

– Ниро Вульф?

– Именно! Так он толстый, как бочка. И из своего дома ни ногой. Не инвалид, а хрен его из дома вытащишь. На первый взгляд очень невзрачный тип, а сыщик первоклассный.

– Ты прав, Ильич. Но это все книги. Или кино... У этого Савенкова глаза слишком добрые и лысина на темечке.

– Лысина, Стас, это признак большого ума. Мысли внутри распирают и волосы выдавливают. Как у меня... А глаза у Савенкова и впрямь не как у железного Феликса, не сверлят тебя насквозь. Умные глаза!

– Возможно... А Крылов не очень серьезный. Красавчик и весельчак. На таких женщины пачками вешаются.

– Ну, ты, Стас, критикан. Тебе не угодить... Я же все выяснил. «Сова» лучшая детективная фирма в Москве. Я же специально на Павленко вышел, зная, что он совладелец «Совы». Я же с ним не очень выгодный для нас договор заключил... Давай, Стас, будем по результатам судить. Савенков обещал полный отчет через два месяца. Или раньше... Готовься в Москву, Силаев. Через три месяца будем открывать наше представительство в российской столице.

* * *

Обсуждать предстоящую работу в перерывах между пивным фестивалем и венской оперой не очень хотелось. Отдыхать, так отдыхать!

Только в поезде, на пути к Москве Савенков решил провести производственное совещание. В районе Смоленска путем бросания монетки разделили сферы поиска: Олег начинает шерстить все события, связанные со странной посадкой Жукова на пятнадцать суток. Дело сложное, с учетом срока давности – было это шестнадцать лет назад.

Савенкову, соответственно, достался эпизод с убийством Кати Стариковой или по мужу Щепкиной. Произошло это всего пять лет назад, но, похоже, что здесь Жукова подставляли профессионалы, те, кто умеет прятать концы в воду.

Точки зрения на предстоящее дело были близки. Олег считал, что им очень повезло: они получили огромный аванс за дело, которое выглядит не таким уж сложным. Савенков по тем же основаниям считал, что они «вляпались». Солидные деньги за простую работу есть по сути дела бесплатный сыр. Теперь каждый шаг надо делать осторожно, ожидая захлопывающейся мышеловки.

– Ты посуди, Олег, зачем Гуркину тратить десятки тысяч евро за информацию о том, кто когда-то подставил его погибшего друга. Зачем? Что он с ней потом будет делать. В рамочку вклеит и на стену повесит?

– Я так думаю, шеф, что он мстить будет. За пять лет его совесть замучила, что он за друга не поквитался.

– Допустим! Сейчас он хочет мстить, но не знает кому. Мы наводим его на нужного человека. Гуркин нанимает убийцу... Так кто мы в этом раскладе? Наводчики при мокром деле! Ох, не нравится мне все это...

– А почему вы решили, шеф, что Гуркин будет убивать обидчика. Мстить можно интеллигентно. Через прессу, например.

– Ага, через суд, через партком, профком... Я тоже, Олег, надеюсь, что наш дорогой Илья Ильич не дубоватый злобный мститель... И еще одна маленькая деталь. Ты помнишь, что Гуркин говорил о последних часах жизни Жукова?

– Помню... Погоня от ментов. Он бросает им шипы под колеса. Потом уже под утро случайно налетает на бандитскую разборку.

– Именно! О шипах Гуркин мог от ментов узнать. Версия с разборкой тоже очевидна. Но проскочила фраза: «Максим решил проселочными дорогами пробраться на Украину». Откуда Гуркин мог знать, что решил Жуков, если тот через пару часов сторел в своей машине? Что это, оговорка?

– Возможно, что оговорка... Выпустил слово «вероятно».

– А если, Олег, не оговорка?

– Тогда получается, что Жуков жив, а в машине сторел кто-то другой. Получается, именно он, Максим Жуков заказывает нам расследование и он сам хочет мстить.

– Это, Олег, версия, но вполне вероятная... Не лежало у меня сердце к этому делу. Но хватит ныть! Деньги получены, и надо работать. Еще неизвестно, что мы накопаем. Возможно, что не так страшен черт, как мы его себе представляем... Пора собираться. Москва на горизонте.

* * *

Олег Крылов уже давно снял погоны. Он привык быть частным сыщиком. К хорошему быстро привыкаешь.

Деньги в «Сове» он получал не очень регулярно, но на круг значительно больше, чем на государственной службе.

Опять же, относительная свобода. Всего один начальник и тот достаточно покладистый и не глупый. Не заставляет писать гору ненужных бумаг: планов, протоколов, отчетов. Нет, иногда приходится кое-что записывать, но это когда надо, а не когда положено иметь данную бумагу с массой резолюций типа «Согласовано» или «Утверждаю».

Есть и другие преимущества в жизни частного детектива. Но Олег часто ловил себя на мысли, что немного завидует тем, кто остался служить. Завидовал даже получаемым ими побрякушкам, медалям за выслугу лет, благодарностям в приказе, премиям в тридцать баксов.

Дело в том, что у частного сыщика и задачи частные. Крылов работал для конкретных и не всегда добропорядочных граждан. Он искал похищенных бизнесменов, обличал невер-

ных жен, защищал жуликов от наезда бандитов. При этом он не мог гордо сказать: «Служу Отечеству!» А его друзья, теперь уже капитаны, майоры и даже подполковники, они могли так сказать.

Правда, Олег хорошо знал, что Отечеству они служили далеко не все рабочее время. Они научились кормиться, используя свою информированность и товарный знак своей грозной конторы. И почти никто не нарушал закон. Так, чуть-чуть выходили за рамки инструкций и перешагивали через этические нормы.

Все милицейские дела Олег решал через Виктора Шацкого. Тот лет десять назад перескочил в МВД, в элитное подразделение, именовавшееся «собственная безопасность». Предполагалось, что здесь работают самые чистые, самые честные и вообще самые-самые... Подполковник Шацкий тоже так считал, но за свою информацию деньги от Олега получал исправно...

Виктор Шацкий редко бывал в своем кабинете. Но Олегу повезло. Даже вдвойне. Первое – телефон откликнулся мгновенно. Второе – Виктор был искренне рад звонку Олега и не изображал, как обычно, занятость важного чиновника, которого какой-то частный сыщик отвлекает по мелким стодолларовым делам.

– Ты не представляешь, Олег. Я только что о тебе вспоминал. Ты мне очень нужен.

– И ты мне очень нужен. Просто совпадение.

– У тебя очень сложный вопрос?

– Пустяки. Мне, Витя, нужна информашка по сто десятому отделению. Было такое пятнадцать лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.